

покровителей), отсутствие в центральной зоне культуры аксиологического осмысления земли приводит к тому, что этос колониста у китайцев не формируется. В то же время в русской традиции все происходит наоборот. Фактически земля (новый топос) присваивается, что позволяет поставить вопрос о значимости концепта «земли» в центральной зоне русской культуры и подвергнуть сомнению возможность оценки «глубины» освоения новой территории и степени переведенности «чужого» в «свое» по формальным признакам.

¹ См.: *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. С. 441.

² См.: *Груздев А. И.* Береговая черта: имя на карте. Владивосток, 1996.

³ См.: *Хисамутдинов А. А.* Terra ingognita... Владивосток, 1989. С. 124.

⁴ *Филология народов Дальнего Востока: (Ономастика).* Владивосток, 1977.

⁵ *Соловьев Ф. В.* Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973.

⁶ См., например: *Максимов С.* На Востоке. Поездка на Амур... СПб., 1864; *Арсеньев В. К.* Китайцы в Уссурийском крае. Владивосток, 1914; *Надаров И.* Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ ДРЕВНЕЙ СПАРТЫ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ

А. В. Зайков

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург)*

В современной науке до сих пор распространен взгляд на спартанское общество и государство как на «самое уродливое явление античности»¹, для которого характерно «окостенение всей общественной жизни и почти полная изоляция от внешнего мира, результатом чего был стремительный культурный упадок и духовное вырождение»². Подобного рода подход, на котором по-прежнему основываются – вольно или невольно – многие современные попытки исследовать данное общество, с неизбежностью приводит к выводу, что почти тысячелетняя история самостоятельного спартанского полиса представляла собой не более чем исторический курьез, некое недоразумение, своего рода «шрам» на классически

совершенном лице древнегреческой цивилизации. Однако такой подход, окончательно сформировавшийся еще в первой четверти XX в., и следующие из него выводы находятся в явном противоречии с тем *ощущением* от спартанской культуры (в широком значении этого термина), которое возникает у исследователя в процессе непосредственного обращения к древнегреческим и латинским текстам. Если судить по ним, то древние никогда не относились к спартамцам как к неким «полуварварам», сошедшим с магистрального пути греческой культуры, которые лишь благодаря своей военной мощи заставляли цивилизованный мир считаться с собственными интересами. Напротив, если говорить об уже упомянутом исследовательском ощущении, то оно заключается как раз в том, что для греческих и латинских писателей созданные в спартанском полисе социальные отношения, правовая система, регуляционные механизмы в политике, конституционализм и культура в целом всегда являлись одними из базисных проявлений эллинской цивилизации. Представляемая работа как раз и пытается перевести упомянутое ощущение на конкретный язык научного исследования, основанного на следующих теоретических предпосылках.

1. Совокупность полисов и этносов, население которых общалось на древнегреческом языке, придерживалось одинаковой системы религиозных воззрений и осознавало свое этническое родство (противопоставляя себя варварам), представляло собой *единый мир*, дающий основание говорить о «древнегреческой цивилизации». Цивилизация эта, вплоть до римского завоевания, не обладала единством государственных границ, но сохраняла единство во многих других сферах (язык, религия, правовые механизмы, методы государственной организации, способы межполисной и междоцивилизационной регуляции, литературные, музыкальные и изобразительные способы освоения окружающего мира – т. н. *культурные практики* в самом широком смысле этого слова).

2. Греческий мир состоял из огромного числа суверенных образований (полисов и этносов), каждое из которых в силу определенных исторических условий имело возможность осуществлять самостоятельный поиск и приобретать до некоторой степени независимый опыт в разрешении тех проблем, которые возникали перед всей греческой цивилизацией в I тысячелетии до н. э.

3. Несмотря на независимость и суверенность отдельных эллинских полисов и этносов, греческой цивилизации для сохранения своей идентичности, предотвращения самораспада и успешного противостояния соседним цивилизациям необходимы были, во-первых, некоторые способы формального объединения (*амфикитии* и *симмахии*) и, во-вторых, *полисы-лидеры*.

4. Необходимость в формальном объединении и в лидерах реализовалась наиболее полным образом в *институте политической гегемонии*. Греческий мир никогда не был однополюсным, и роль лидера здесь одновременно исполнялась несколькими полисами, которые являлись: а) наиболее сильными в военном отношении, б) экономически мощными и в) политически стабильными. В случае утраты лидером хотя бы одного из этих реквизитов он с неизбежностью утрачивал вскоре свою гегемонию в греческом мире. Наиболее значительными и с исторической точки зрения наиболее продуктивными являлись спартанская и афинская гегемонии.

4. Роль лидера, с одной стороны, создавала для полиса целый ряд соблазнительных возможностей и перспектив в самых разных сферах, но, с другой стороны, она порождала серьезное бремя ответственности. Разные полисы по-разному распорядились выпавшей на их долю участью гегемона.

Афины, превратившись в одного из лидеров греческого мира в ходе Греко-персидских войн, извлекли максимальную выгоду из этого положения, в течение нескольких десятилетий осуществляя эксплуатацию своих союзников. Их эгоистический импульс, желание получить все и сразу, убежденность в собственном превосходстве и неизбывное желание доказать это всему миру привели к тому, что Афины превратились в настоящую архитектурную жемчужину, пристанище искусств и «школу Эллады». Однако Афины не смогли справиться с бременем гегемонии и с той ответственностью, которая неизбежно была с нею связана. Именно поэтому их реальное лидерство продолжалось не особенно долго.

Спарта – самый стабильный и долговечный из всех лидеров Греции. Ее гегемонию можно разделить по меньшей мере на три периода: архаическая гегемония; антиперсидская и антиафинская гегемония V в. до н. э.; «имперская» гегемония после Пелопоннесской войны. В то время, когда лидерство Спарты впервые окончательно сложилось (VI в. до н. э.), ее государственный строй уже давно был конституирован и – не в пример многим другим греческим полисам – обладал весьма значительным запасом прочности. Это, в частности, позволило Спарте избежать тиранического правления. Создание Пелопоннесского союза совпало с началом новой эпохи во внутригреческой политике Спарты, основную идею которой можно было бы выразить в виде лозунга *продуктивного консерватизма и воздержания от поспешных решений*. Вплоть до конца V в. до н. э. Спарта не использовала те широкие возможности, которые давало ей ее положение в эллинском мире. Вместе с тем она сравнительно успешно и достаточно долго справлялась с бременем ответственности, который возлагала на нее приобретенная гегемония (в качестве примера можно

привести борьбу Спарты с тираническими режимами). Если афинский цивилизационный опыт давал всей Греции пример новых путей развития и побуждал к совершению шагов по этому пути, то спартанский опыт создавал для эллинского мира тот необходимый «балласт» консерватизма, тот запас прочности, который позволял «кораблю» греческой цивилизации устоять в средиземноморских «штормах» по крайней мере в течение VI, V и частично IV в. до н. э.

5. Из вышеизложенного становится понятным, что мы не имеем права недооценивать тот исторический вклад, который внесла Спарта в становление, развитие и сохранение древнегреческой цивилизации. Будучи суверенным государством, она осуществляла во многих отношениях самостоятельные поиски и находила собственные решения в тех непростых обстоятельствах, в которых неоднократно оказывался греческий мир в течение I тыс. до н. э. С научной точки зрения ответы, которые давало спартанское общество на задаваемые ему историей вопросы, обладают особым значением, ибо зачастую они влияли непосредственно на судьбы всего эллинского мира. Полноценный анализ древнегреческой цивилизации, выявление ее основ и ключевых принципов с неизбежностью требуют более детального и глубокого изучения оригинального спартанского опыта в самых разных сферах *социокультурного и политико-правового бытия*. Для достижения указанной цели прежде всего необходимо сформулировать ряд научно-исследовательских задач, касающихся наиболее ключевых аспектов данной темы.

Первая задача заключается в анализе спартанского опыта построения стабильной экономики. Решая эту задачу, мы сталкиваемся не только с необходимостью дать ответ на вопрос о причинах становления хозяйственной автаркии Лакедемона в классический период его истории. Дело в том, что еще одна важная проблема связана с тем историческим фактом, что Спарта в VI в. до н. э. знала *опыт весьма широкой торговой экспансии* с помощью некоторых продуктов своего ремесла (в частности, бронзовых изделий, архитектурной терракоты, ваз). Возникает необходимость объяснить окончательный выбор спартанского общества. Для решения этой задачи необходимо всесторонне проанализировать, во-первых, характер и экономические основы такого явления, как лаконская школа вазовой живописи; во-вторых, агрокультурную традицию Южного Пелопоннеса; в-третьих, рассмотреть полученные данные в контексте общей картины развития греческих рынков в Средиземноморье в VI–V вв. до н. э.

Вторая задача – анализ спартанского опыта построения стабильного сообщества; этот вопрос уводит нас к началу эпохи Великой греческой колонизации, к проблемам, вызвавшим к жизни это явление, и к спар-

танскому способу преодоления этих проблем. Необходимо исследовать широкую территориальную экспансию Лакедемона в период ранней архаики, трудности внутреннего порядка, связанные с этим, и тот выход, который был найден: создание широкого военного сословия, корпоративно выделенного из всего гражданского сообщества. Такое решение проблемы явилось одним из факторов, стабилизировавших общество и приведших к тому, что Спарта превратилась в самое сильное в военном отношении государство в Греции. Эти два обстоятельства с неизбежностью выдвигали ее на роль лидера, что было реализовано в создании Пелопоннесского союза.

Третья задача состоит в анализе первого конституционного опыта древних греков, который был осуществлен именно в архаической Спарте. Необходим детальный историко-юридический анализ «Большой ретры» и поправки к ней. Для полноценных выводов по данной проблеме требуется ее исследование в более широком контексте: становление правовой системы спартанского общества и роль писаного законодательства в данном процессе.

Четвертая задача – исследование опыта, который имели спартанцы в деле усмирения внутренней смуты, мирного разрешения конфликтов и установления т. н. *эвномии* (благозакония). В разных греческих полисах архаической эпохи использовали разные методы для разрешения этой наиважнейшей проблемы. Изучение спартанского опыта приводит нас к необходимости обратить внимание на роль музыкального образования, поэзии и религиозных фестивалей в жизни спартанского общества, а через них – на роль пришельцев-музыкантов, наделенных авторитетом Зевса Критского и Аполлона Дельфийского, в деле нахождения компромисса во внутреннем споре.

Пятая задача – анализ той роли, которую выполняла социальная семантика в деле правильной формальной организации лакедемонского сообщества. Основной подход в решении этой задачи заключается в том, чтобы исследовать природу такого понятия, как *община одинаковых*.

Шестая задача заключается в анализе административно-территориального и политико-стратификационного опыта лакедемонян. Решая эту задачу, необходимо сосредоточиться на исследовании тех функций, которые решали перизкские полисы в жизни лакедемонского сообщества.

Седьмая задача – это анализ спартанского государственного опыта регулирования отношений между своими гражданами и чужаками. Здесь необходимо исследовать, с одной стороны, такое явление, как *ксенеласии*, а с другой стороны – такой институт, как *проксения*.

Восьмая задача – попытка отыскать некоторые источники вдохновения, которые питали спартанскую ритуальную поэзию. Требуется иссле-

дование вопроса о том, например, каким образом в VII в. до н. э. в творчество спартанского поэта Алкмана попали скифские мифологические и, возможно, ритуальные образы – царь Колаксай и его быстроногий конь. Эта проблема вновь обращает нас к теме спартанских религиозных фестивалей. Кроме того, она связана с еще одной важнейшей проблемой спартанского образа жизни и спартанского менталитета: отношение к смерти, почитание умерших и – в более широком ракурсе – консервативная установка на прошлое.

Девятая задача – анализ такого явления, как становление спартанской юрисдикции. Для решения этой задачи выбраны три типа частных-правовых дел: тяжбы по поводу дочерей-наследниц, претензии на роль пифиев и акты усыновления. Эти категории дел объединены тем, что все они входили в судебную компетенцию царей. Исследование спартанского опыта в данной сфере позволяет, с одной стороны, говорить о том, что спартанцы разделяли со всем остальным эллинским миром «общий фонд» правовых институтов и структур, а с другой стороны – что в рамках этого «общего фонда» можно говорить об оригинальных решениях и подходах.

Десятая задача – анализ спартанского опыта в решении чрезвычайно важной проблемы – сохранении полисных структур перед лицом угрозы установления тиранического режима. Особенность Спарты (и даже ее уникальность) в этом отношении заключается в том, что она, ни разу в эпоху архаики и классики не испытав на себе бремя тирании, все же на протяжении всей своей истории ощущала тираническую угрозу. Тем более интересен ее опыт в борьбе с этой опасностью. С этой точки зрения необходимо прежде всего исследовать историю тех судебных процессов, которые возбуждались против спартанских царей и крупных военачальников.

В конечном итоге спартанский опыт необходимо рассмотреть в аспекте консервативного начала и протекционной функции, выполняемой этим полисом по отношению ко всей эллинской цивилизации в течение самого ключевого с исторической точки зрения периода ее существования.

¹ См.: Лурье С. Я. О фашистской идеализации полицейского режима Древней Спарты // ВДИ. 1939. № 1.

² См.: Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 216.